

утрате родовой организации. К сожалению, автор не показывает, какую роль фратрии играли в жизни делаваров. Насколько явствует из дальнейшего изложения, к ним обращаются при религиозных церемониях.

Своеобразное изменение претерпели брачные обычаи. Так как определить принадлежность к тому или иному роду уже невозможно, у делаваров установилась экзогамия, распространяющаяся на обе группы делаваров Оклахомы. Как правило, делавары вступают в браки только с иноплеменниками. При этом браки заключаются по законам США.

Наиболее прочно, по мнению автора, удерживаются у делаваров религиозные верования и язык. Вместе с тем Ньюкомб показывает, что традиционные обряды делаваров и главный из них — обряд Большого Дома, который некогда собирал всех мужчин племен и служил в годы наивысшего расцвета делаваров объединяющим началом, — исчезают. Место чисто делаварских обычаев занимает пейотизм — распространившаяся в 1880-х годах новая религия индейцев. Делавары, в особенности молодежь, участвуют в общих ночных бдениях приверженцев пейотизма вместе с шауни, виннебаго и сну, оседжами и многими другими индейскими племенами.

Язык делаваров сохраняется главным образом среди индейцев среднего и пожилого возраста. По-английски говорят либо дети, посещающие школу, либо люди в возрасте 20—30 лет, ранее обучавшиеся в школе.

Ньюкомб приходит к выводу, что ассимиляция делаваров далеко не закончена. Более того, они идут сейчас не только по пути их американизации. По мнению Ньюкомба, делавары, более не осознающие себя племенем, чувствуют себя индейцами, сливаясь с другими индейцами США, в первую очередь с индейцами Оклахомы. Этому служат и новые брачные ограничения, и переход к общинному культу пейотизма — «последней нити, связывающей индейцев с их славным прошлым»². Дети от смешанных браков не называют себя ни делаваами, ни другим племенным именем, а просто индейцами.

Что же является причиной этого, как его называют американские авторы, паниндеанизма? Ньюкомб отвечает на этот вопрос очень определенно: изоляция индейцев, дискриминация, которую им приходится терпеть во всех областях общественной жизни, ставящие индейцев в положение угнетенного национального меньшинства.

И. А. Золотаревская

НАРОДЫ ОКЕАНИИ

E. D. Merrill. *The botany of Cook's voyages and its unexpected significance in relation to anthropology, biogeography and history*. Waltham, Massachusetts, USA, 1954 («Chronica Botanica», vol. 14, No 5/6, стр. 1—IV, 161—384).

Книга Мерилла, как видно из самого ее названия, имеет прямое отношение к этнографии. Крупнейший специалист по флоре Океании, Мерилл в 1952—1953 гг. изучил ботанические коллекции спутников Кука — Бэнкса и Соландера (первое путешествие, 1768—1771) и Форстеров, отца и сына (второе путешествие, 1772—1775). Бэнкс, Соландер и Форстеры были квалифицированными ботаниками (Соландер, например, был любимым учеником Линнея). В составленных ими в неизученном районе различных коллекциях хорошо представлены культурные растения.

Коллекции Бэнкса и Соландера, наиболее полные, собраны на Таити. Они, по мнению Мерилла, дают ясное представление о том, какие виды были известны к началу 70-х гг. XVIII в. во всей Океании (ибо Таити, подчеркивает автор, — центр расселения полинезийцев) и какие появились позднее, будучи занесены европейцами.

Материалы коллекций позволяют автору решительно выступить против тех, кто утверждает, что почти все океанийские растения — американского происхождения и перенесены в Океанию еще в древние времена. Мерилл убедительно показывает, что многие из них были распространены повсюду в тропиках еще до появления человека, другие же, отсутствующие в ранних коллекциях, ввезены в Океанию после открытия островов европейцами. «Данные ботаники, — пишет он, — отчетливо свидетельствуют о том, что все культурные растения Океании, имевшиеся там в 1769 г., возможно, кроме одного, и все многочисленные другие растения, возможно, кроме двух-трех, были принесены намеренно или нечаянно с запада переселенцами, занявшими полинезийский треугольник. Очень немногие пришли из тропической Америки» (стр. 191). Среди этих немногих находится сладкий картофель (*Ipomoea batatas*). Мерилл считает, что он попал в Полинезию из Южной Америки в XII—XIII вв., но не на бальзовом плоту, как полагает Хейердал, так как ни один клубень сладкого картофеля не может сохраниться в сырой атмосфере на уровне моря более шести недель, а плот Хейердала плыл более трех месяцев. Сладкий картофель мог быть перенесен лишь как живое растение в почве, а такой метод применялся только полинезийцами. По мнению Мерилла, полине-

² W. La Barre, *The Peyote cult*, «Yale university Publication Anthropology», 1938, No 19, стр. 116. Цит. по рецензируемой книге W. Newcomb, стр. 118.

зийцы посетили Южную Америку, добыли это растение и распространили его в Полинезии (стр. 214). Они же, по его словам, перенесли на западный берег Южной Америки кокосовую пальму незадолго до прибытия туда испанцев. Это утверждение, заявляет он, многих может удивить. Но дело в том, что до прибытия испанцев кокосовая пальма встречалась только на узкой береговой полосе Панама и Колумбии. На тихоокеанском берегу Мексики кокосовой пальмы в то время еще не было (стр. 267).

В связи с этим Мерилл приводит бытующую на острове Райатеа легенду, которую Томас Дэвис, знаток полинезийских диалектов, сообщил ему в личной беседе. Мерилл пишет: «Он в общих чертах рассказал мне о почти забытой легенде острова Райатеа о том, как Мауи Марумамао открыл Южную Америку. В легенде сообщается о маршруте, о времени, проведенном в Южной Америке, где Мауи Марумамао умер, о возвращении его сына на остров Пасхи, а затем с остатками команды — на остров Райатеа. Маршрут от Райатеа на восток таков: Хикуверу (на картах Хикуеру), Марокакау (на некоторых картах Марокау) и Рарона, все в группе Туамоту. От этих островов он отправился на Рапануи (остров Пасхи) и оттуда к Те Ау Туави, стране горных хребтов (или спинных хребтов), то-есть к Южной Америке» (стр. 214). Томас Дэвис собирается, пишет Мерилл, проплыть в полинезийской лодке по легендарному маршруту Мауи Марумамао с целью «привести мысль, смущенную плаванием Кон-Тики, обратно в нормальное состояние» (стр. 215).

Мерилл сурово критикует сторонников теории американского происхождения полинезийских растений, в частности мнение американского ботаника Кука, который считал, что южноамериканские индейцы в доисторическое время, взяв с собой основные культурные растения, достигли Полинезии, а затем проникли не только в Индонезию, но и на Мадагаскар¹. Взгляды Кука нашли приверженцев, причем последовательность распространения этих взглядов, по Мериллу, такова: от ботаника Кука, с его неверными теориями, «к одному из его почитателей, который вряд ли знал начала элементарной ботаники, потом к одному из более поздних последователей, еще меньше знавшему ботанику, и, наконец, к специалисту в другой области, который узнал (became infected) об идеях Кука из вторых или третьих рук» (стр. 179).

«Специалист в другой области» — Хейердал. Критические замечания Мерилла в его адрес звучат весьма убедительно. Мерилл указывает, например, что среди перечисленных Хейердалом «южноамериканских» элементов флоры острова Пасхи четыре вида «эндемичны, то-есть встречаются только на острове Пасхи» (стр. 269). Хейердал, пишет Мерилл, «не знает предмета» (стр. 222); он пользуется данными безграмотных статей, например статьи Картера², о которой Мерилл отзывался так: «В течение всей своей научной деятельности я никогда не видел в одной ботанической статье так много крупных и недопустимых ошибок» (стр. 252). По словам Мерилла, статья Картера «позорит американскую науку», между тем Хейердал опирается на Картера как на авторитет.

Мерилл допускает, что индейцы Южной Америки, возможно, достигали Полинезии на своих бальзовых плотках. Но он решительно отвергает мысль о заселении Полинезии из Южной Америки. Относительно книги Хейердала «American Indians in the Pacific» Мерилл заявляет: «Если многочисленные проблемы, обсуждаемые в этой последней книге Хейердала, вышедшей в 1952 г., столь же слабо им изучены, как и проблемы 7-й главы, где он имеет дело с данными ботаники (стр. 425—498), то наука, вероятно, выиграла бы, если бы эта книга никогда не была опубликована» (стр. 250). Мерилл отмечает тот факт, что Хейердал использует лишь те источники, даже явно устаревшие и недоброкачественные, которые говорят в пользу его теории. Его книга, по мнению Мерилла, «является прекрасной иллюстрацией того, как человеческий разум, раз решившись, может обманывать сам себя» (стр. 270).

Надо учесть, что Мерилл писал эти строки в 1935 г., когда теория Хейердала оживленно обсуждалась в науке. Знать мнение крупнейшего ботаника на этот счет очень важно.

Мериллу удалось установить, что множество видов растений попало из Америки в Океанию и вообще в Старый Свет сравнительно недавно благодаря европейцам. Он указывает, например, что испанцы многократно плавали из Мексики на Филиппины и на Гуам (с 1565 до 1815 г.) и ввезли на Филиппины 200 тропических видов американского происхождения, а на Гуам — 115. Португальцы с 1500 г. плавали из Лиссабона к Бразилии, а оттуда в Индию, к Гоа, исследовали часть Мадагаскара, укрепились на Цейлоне, в Малакке, на Молуккских островах, в Сиаме. Они перенесли из Америки в эти страны многие виды растений. В частности, они перенесли в Индию кукурузу (стр. 188—189).

Материалы и выводы книги Мерилла имеют большое значение для изучения древней истории Океании.

Н. А. Бутинов

¹ O. F. Cook, Food plants of ancient America, «Annual Report Smithsonian Institution», 1903, стр. 481—497; 1904.

² G. F. Carter, Plant evidence of early contacts with America, «Southwestern Journal of Anthropology», 1950, No. 6.